

Пятилетний Ваня, сколько себя помнил, жил у бабушки. Но всё это время он очень ждал, когда же он, как все соседские ребята, будет жить с мамой. В своих детских мыслях он непрестанно надеялся, что мама наконец-то разберётся со своими делами и возьмёт его к себе. Но у неё, как назло, дела никак не кончались: то она не могла найти работу, то делала ремонт в квартире, то уезжала в срочные командировки, то уезжала лечиться...

А Ваня ждал и ждал. Конечно, они и с бабушкой ладили хорошо, но он очень любил свою молоденькую красивую мамочку и временами сильно скучал.

Вот и на этот раз мама позвонила, что заедет к ним. Ваня прибирался в квартире как мог: расставлял по местам игрушки, сам вытирал пыль и даже на кухне поставил на стол маленькую вазочку с мелкими отцветающими ромашками, которые смог найти во дворе.

– Это я для мамы, бабуль. И для тебя тоже, – радостно сообщил он бабушке, расправляя цветы. – А ещё я ей рисунок нарисую... А она точно приедет, бабуль?

– Приедет, приедет, – успокоила внука бабушка, ласково глядя на него и развешивая над плитой нанизанные на нитки дольки яблок для сушки. Вздохнула украдкой.

Для Вани приезд мамы был большим праздником, и поэтому он очень старался не огорчить её ничем и думал: а вдруг сегодня сбудется? А вдруг она сегодня его возьмёт с собой? Он очень хотел угодить ей, порадовать её, чтобы она поняла наконец-то, что сын уже большой, что он будет ей очень помогать во всём, мыть посуду, заметать полы, лишь бы только быть рядом.

...Раздался телефонный звонок, и бабушка взяла трубку. Коротко поговорив, она открыла шкафчик с лекарствами, быстро вынула пузырёк, положила таблетку под язык.

– Ваня, собирайся, милоч, мама сейчас заедет,

нам надо встретить её на улице.

– Почему на улице, бабуль? – вскрикнул от неожиданности мальчик. – Она что, не зайдёт к нам? И чаю не попьёт, как в тот раз? И... – Тут голос его дрогнул.

– Нет, Ванечка, мама спешит очень. А нам же недолго одеться да выйти. Так ведь?

Ваня молчал. Он размышлял: как ему одеваться? Просто или нарядиться в новые брюки и свитер с машинками, связанный бабушкой... Может быть, как раз сегодня мама приедет за ним? И он с надеждой поднял на бабушку тревожные глаза, а она, поняв вопрос, ответила:

– Одевайся, милоч, вон – в чём утром за цветами ходил. Да шарф повяжи, ветер на улице. Не простудиться бы, – кивком указала она на одежду, сложенную на стуле.

Они оделись и потихоньку спускались с третьего этажа вниз по ступенькам. Ваня не прыгал по ним, как раньше, не пересчитывал их, как обычно. Голова его полностью была занята мыслями о предстоящей встрече.

Не успели они выйти из подъезда, как подкатило такси и из машины выпорхнула молодая девушка в джинсах, короткой курточке, в модных сапожках на высоком каблуке.

– Ну привет, мои дорогие, – раскинула она руки и кинулась навстречу к сыну.

Она заключила его в объятия, чмокнула в щёку, потрепала его светлые, почти белые волосы, взъерошенные ветром.

– Привет, мам, – счастливо заулыбался Ваня, рассматривая её и отмечая, что она очень красивая. – Мам, а ты что, не зайдёшь к нам? Мам, а я тебе покажу свитер с машинками. Бабушка связала! Мам, а я же тебе цветы нарвал... Как же я забыл их взять? Подождёшь, я сбегаю? – Его голубые глаза от возбуждения стали ещё пронзительнее, ещё голубее. Он хотел так много ей рассказать, так много спросить, но растерянно оглянулся на бабушку, стоящую поодаль.

Она напряжённо наблюдала за сценой и не вмешивалась.

– Бабуль, мы же про цветы забыли. Можно я сбегаю? – попросил он.

Но мама резко выпрямилась, взмахнула руками, перебив его:

– Нет, нет, пупсик, что ты! Давай в следующий раз цветы, сегодня я очень тороплюсь. Хорошо? – и, шагнув к свекрови, тихо и быстро добавила: – Срок кредита подошёл, а я... В общем, нет работы. Отдам потом...

Пожилая женщина дрожащей рукой протянула девушке деньги. Та тут же впорхнула в такси.

– Пока-пока, пупсик! – обратилась она к Ване, усаживаясь на сиденье и вытягивая вперёд губы трубочкой, словно для поцелуя.

Ваня улыбался и не переставая махал маме рукой.

Машина, медленно трогаясь с места, отъезжала от подъезда. Ваня во все глаза смотрел на маму. Глаза слезились от ветра, вязаный шарф растрепался, оголив тонкую шею малыша, но он не замечал этого, он ждал увидеть ещё хоть одну мамину улыбку и, конечно, ждал, что она на прощанье помашет рукой ему в ответ.

Но машина, предательски медленно двигаясь по мокрому асфальту, увозила от него маму, и мама никак не поворачивалась в его сторону, а он изо всех сил махал рукой и не переставая счастливо улыбался. Ваня видел, как мама, низко наклоняя голову, перебирала бумажки, конечно, занимаясь важным делом, которое было важнее всего и мешало ей оглянуться и прочитать в его глазах и радость от встречи, и печаль от расставания, и ещё много того, от чего страдала маленькая душа.

И только когда машина, резко набрав скорость, скрылась за углом дома, сияющая улыбка

разом исчезла с лица ребёнка, и он как-то виновато опустил руку, которой до боли в суставе махал маме. Поняв, что мама уехала, Ваня почувствовал себя как будто обманутым, прищурил слезящиеся глаза, перевёл взгляд на серую дорогу, усеянную опавшей листвой, и так замер, вглядываясь и не зная, что делать дальше.

– Ну, пойдём, Ваня, пойдём. Холодно. У меня уж ноги озябли, – вывела его из оцепенения бабушка. – Открой-ка мне дверь, не справлюсь я.

Ваня подбежал к двери, открыл её, пропуская бабушку. Она, тяжело дыша и опираясь на клюшку, поднималась по ступенькам.

– Бабуль, а мы будем поделки делать из листиков и желудей, как ты обещала?

– Конечно, милок.

– А когда? Давай прямо сейчас?

– Давай, почему же нет? Конечно, будем. – Бабушка заглянула в серьёзное лицо мальчика, утвердительно кивнула головой, взяла его за руку.

Глаза её светились нежностью.

Ваня примолк и благодарно прижался к бабушке, обхватив её руками.

Уткнувшись в её одежды, он доверчиво вдыхал запах яблок, исходящий от морщинистых рук, и после пережитой встряски возвращался в тепло и покой.

И вдруг впервые маленький Ваня подумал, что не хочет никуда отрываться от этого бесконечно родного человека. Он в порыве своих чувств, до боли прижимаясь лбом к большой круглой пуговице, вспоминая также, что из такой пуговицы бабушка делала ему «жужжалку», – поцеловал её прямо в накинутый плащ, куда позволял достать его небольшой рост, и, крепко-крепко обнимая бабушку, прошептал:

– Любимая моя...

